

DOI 10.23859/1994-0637-2020-6-99-6

УДК 81'33

© Бойчук Е. И., Мишенькина Е. В., 2020

Бойчук Елена Игоревна

Доктор филологических наук, доцент,
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского
(Ярославль, Россия)
<https://orcid.org/0000-0001-6600-2971>
E-mail: elena-boychouk@rambler.ru

Boychuk Elena Igorevna

Doctor of Philology, Associate Professor,
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky
(Yaroslavl, Russia)
<https://orcid.org/0000-0001-6600-2971>
E-mail: elena-boychouk@rambler.ru

Мишенькина Елена Владимировна

Кандидат филологических наук, доцент,
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского
(Ярославль, Россия)
<https://orcid.org/0000-0002-1314-4156>
E-mail: vitalt@mail.ru

Mishenkina Elena Vladimirovna

PhD in Philology, Associate Professor,
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky
(Yaroslavl, Russia)
<https://orcid.org/0000-0002-1314-4156>
E-mail: vitalt@mail.ru

**АВТОМАТИЗИРОВАННЫЙ АНАЛИЗ
РИТМИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК
РУССКОЯЗЫЧНОГО
ПРОЗАИЧЕСКОГО
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА КАК
МЕТОД УСТАНОВЛЕНИЯ
ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ТЕКСТА
ОПРЕДЕЛЕННОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ
ЭПОХЕ**

**AUTOMATED ANALYSIS OF
RHYTHMIC CHARACTERISTICS OF
RUSSIAN- LITERARY PROSAIC TEXT
AS A METHOD FOR DETERMINING
THE TEXT AFFILIATION
TO A LITERARY PERIOD**

Аннотация. В статье проводится анализ ритмических характеристик русскоязычных художественных текстов с использованием автоматизированного приложения PRD (Prose Rhythm Detector). Авторы рассматривают основные подходы к периодизации русской литературы XIX–XXI вв. с целью определения принадлежности произведений той или иной эпохе с опорой на специфику ритмической структуры текстов. В ходе исследования применяются количественный и статистический методы анализа.

Abstract. The article analyses the rhythmic characteristics of Russian-language literary texts using the automated PRD (Prose Rhythm Detector) application. The authors consider the main approaches to the periodization of Russian literature of the XIX–XXI centuries in order to determine the affiliation of works to a particular epoch based on the specifics of the text rhythmic structures. The quantitative and statistical methods of the analysis are used.

Ключевые слова: ритм, литературный процесс, периодизация, ритмический анализ, язык русской прозы, XIX–XXI вв.

Keywords: rhythm, literary process, periodization, rhythmic analysis, language of Russian prose, XIX–XXI centuries

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-07-00243А «Создание методов автоматизированной обработки текстов с целью авторизации, анализа и построения ритмичных текстов на русском, французском и английском языках»).

Введение

Проблема анализа ритмических характеристик литературного текста тесно связана с установлением степени влияния эпохи, исторических событий и истории литературного процесса на творчество автора, на его индивидуальный стиль, который определяет специфику его языка, специфику идей и тем, транслируемых читателю.

Почему именно ритмические характеристики? Авторский ритм, заключающийся не только в повторах определенных слов и предложений, характерных для того или иного автора комбинаций этих слов и средств, но и в определенном движении мыслей, передает пульсацию жизни художественного произведения, в которой переплетаются мысли автора, персонажей и читателя. Многочисленные исследования указывают на комплексность ритма как явления, присущего не только поэзии, но и прозе. На основе работ таких выдающихся специалистов в области ритма, как Ю. М. Лотман, Б. В. Томашевский, В. М. Жирмунский, Н. М. Фортунатов, М. М. Гиршман, а также последователей их теорий К. К. Барышниковой, Л. В. Златоустовой, Г. Н. Ивановой-Лукьяновой, А. Ю. Корбут, В. В. Потапова, Т. Н. Шишкиной и многих других исследователей, нами было сформулировано определение *ритма прозы*, включающее в себя употребление фонетических, лексических, грамматических средств выразительности речи в рамках определенной ритмической единицы на соответствующих уровнях реализации данных средств. Кроме того, с нашей точки зрения, ритм прозы отражает периодическую последовательность сегментов, частей текста и представляет собой упорядоченную смену элементов сюжетно-образной системы художественного произведения на структурно-композиционном уровне реализации ритма¹. Безусловно, каждому уровню ритмической организации текста соответствует свой набор средств, структура которых предполагает наличие повтора в той или иной конфигурации, с тем или иным расположением повторяющегося элемента по отношению к основному². Поскольку количество ритмических средств велико, а для понимания специфики ритма определенной эпохи или литературного течения необходимо выполнить чрезвычайно объемную работу по анализу ритмической структуры текстов, нам пришла в голову идея создания автоматизированного приложения, позволяющего осуществлять поиск и количественный подсчет таких средств. Несомненно, это не лишило бы ученого работы с текстом, но значительно облегчало бы ему научную жизнь. Первым нашим опытом было приложение, функционирующее на материале франкоязычных текстов, – *Rhythm analyse*. Оно позволяло работать с ритмом на трех языковых уровнях (фоностилистическом, лексическом и грамматическом). Далее необходимость исследования текстов на других

¹ Бойчук Е. И. Анализ ритма прозы (на материале французского языка). – Ярославль: Канцлер, 2019. – 232 с.

² Более подробно об этих средствах, система которых также была выстроена на основе существующих (в том числе изданных за последние годы работ), см. Бойчук Е. И. Анализ ритма прозы (на материале французского языка). – Ярославль: Канцлер, 2019. – 232 с.

языках побудила нас создать подобное приложение для англоязычных, русскоязычных и испаноязычных произведений. Оно получило название Prose Rythm Detector (PRD). На данном этапе его функционирование ограничено несколькими основными ритмическими средствами на лексико-грамматическом уровне (анафора, эпифора, симплока, эпаналепсис, эпизевксис, диакоса, анадиплосис, полисиндетон). Выбор этих средств обусловлен их высокой частотностью, а также техническими возможностями на настоящем этапе разработки приложения. В перспективе данный инструмент будет усовершенствован посредством расширения списка ритмических средств, в том числе на фоностилистическом уровне (ассонанс, аллитерация, анафора, зевгма, рондо, рифма), на лексическом (повтор ключевых слов) и грамматическом уровнях (редупликация, деривация, полиптотон, градационный повтор; одинаковые по цели высказывания предложения). Однако даже на настоящем этапе 8 ритмических средств позволяют увидеть особенности идиолекта автора. Кроме того, статистический анализ ритма текстов разных веков на разных языках подтверждает возможность отслеживания отличия ритмических показателей у авторов различных эпох даже при небольшом количестве ритмических средств.

Классификация литературных периодов – довольно сложная проблема. С точки зрения литературоведов, вряд ли существует какая-либо универсальная периодизация на все века, литературные эпохи и уж тем более на все языки. Что касается русской литературы, то, по мнению Л. В. Поляковой, особо отличается XX в., он «уникален, чрезвычайно политизирован»¹. Социологизированный подход к литературной истории («привязывание истории литературы к истории социально-политической»), с точки зрения Т. Л. Рыбальченко, является одним из изъянов в концепциях периодизации русской литературы². Однако существование такой зависимости отрицать нельзя, она очевидна. Автор выделяет различные факторы, способствующие изменениям в литературном процессе, в частности трансформацию самосознания человека, ценностных ориентаций, отказ от утопизма, приход к реалистическому мировосприятию и философскому скептицизму. Мировые войны, революции и технизация жизни провоцировали появление нового «мироотношения» к литературе, которая во второй половине XX в. отражала не только социальный кризис, но и кризис цивилизации³. Анализ течений, характеризующих XX в. в русской литературе, позволил автору заключить, что этот период в литературном процессе «начался в 90-е гг. XIX века, а кончился уже в 80-е гг. XX века. Граница двух периодов условна: “пятидесятые годы” – указывает на изменение тоталитарной социальной системы и на начало научно-технической революции, но в кризисе утопического жизнестроительного сознания не меньшее значение имеет и война, показавшая тотальную антигуманность технически и идеологически организованного мира»⁴.

¹ Полякова Л. В. История литературы или литературный процесс? Контур проблемы // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 1997. – № 1 (5). – С. 70.

² Рыбальченко Т. Л. История литературы XX века как история литературных течений // Вестник Томского государственного университета. – 1999. – № 268. – С. 68.

³ Там же. – С. 70.

⁴ Там же. – С. 72.

Вслед за А. А. Ахматовой, определившей границы XIX в. с 1789 до 1914 г. (125 лет), С. И. Сухих ограничивает XX в. 80-ми гг., вплоть до «великой криминальной революции» 1991–1993 гг., когда «обозначилась колоссальная разница между прежними и новыми опорами: идеологическими, этическими, эстетическими, литературно-организационными (возникли новый тип цензуры – уже не политический, а, скорее, экономический, а также деление на новый официоз, новую оппозицию и маскультуру)»¹.

Автор указывает три основных исторических события, отражающих важнейшие изменения в содержании литературного процесса XX в.: Великая Октябрьская социалистическая революция, Великая Отечественная война, крушение системы – распад СССР («антিলитература»). С. И. Сухих особо акцентирует внимание на проблеме литературы о войне, поскольку война стала кризисным, переломным моментом в развитии литературы: «именно в военной литературе возрождается свободная мысль, начинается процесс освобождения от тоталитарной мифологии, от духовного оцепенения после событий конца 30-х гг.»².

Что касается 90-х гг. в литературе XX в., то здесь автор отмечает определенные тенденции к «вырождению», развитию декаданса, так же, как это проявлялось на рубеже XIX и XX вв. Это подтверждается и мнением М. М. Голубкова: 90-е гг. могут служить началом новой эпохи в связи с тем, что характеризуются «отсутствием цензуры, принципиальным дистанцированием государства от литературных дел, утратой литературоцентризма, стремительным сокращением читательской аудитории, изменением общественного статуса писателя, подчинением литературы законам рынка»³.

Если эпоха XX в. в большей степени отмечена взаимодействием реалистической и модернистской тенденций литературного развития, то для конца XX и начала XXI в. свойственны постмодернистские настроения. С точки зрения И. Н. Дюсуповой, искусство постмодернизма воплощалось в «ненавязчивых, на первый взгляд простых формах: в визуальных искусствах – фотография, фотоколлаж, принт, в литературе – романы небольшого объема, тяготение к краткому рассказу, критическому эссе, очерку»⁴. Автор также упоминает стиль минимализма, «который из архитектуры, живописи и неоклассической музыки перекинулся позже и на литературу»⁵.

Проблема периодизации литературы тесно связана с вопросом определения авторства текстов, над которым исследователи работают уже очень давно. Этот вопрос в свою очередь взаимосвязан с обнаружением индивидуального авторского стиля (идиолекта автора). Для установления принадлежности текста определенной эпохе необходим анализ специфики авторского стиля, при этом важно иметь сведения обо

¹ Сухих С. И. К проблеме периодизации истории литературы XX в. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2013. – № 6–1. – С. 374.

² Там же. – С. 371.

³ Голубков М. М. Научные принципы периодизации русской литературы XX века // Мир русскоговорящих стран. – 2019. – № 1 (1). – С. 79–85.

⁴ Дюсупова И. Н. Мода начала 2000-х в контексте художественной культуры позднего постмодерна // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2012. – № 7 (143). – С. 248.

⁵ Там же. – С. 249.

всех авторах данной эпохи, чтобы выполнить идентификацию с применением сравнительного метода.

Тед Андервуд предложил использовать вычислительные методы и базы данных для осуществления деления литературы на периоды¹. Личность автора при этом играет важную роль, она является архетипом нации и литературного периода, к которому принадлежит².

В проведенном нами исследовании предлагается сочетание стилометрических признаков с анализом ритмических фигур речи, что показательно с точки зрения разделения литературы по периодам. Каждому автору свойственен свой набор ритмических средств, своя частотность их употребления. Количественный и статистический анализ ритмических характеристик позволяет увидеть определенные черты эпохи. Это подтверждают наши исследования, выполненные на материале русской и английской художественной литературы³ с использованием представленного выше инструмента PRD (Prose Rythm Detector), технические подробности работы которого описаны в наших публикациях.

В рамках данной статьи мы представим результаты ритмического анализа некоторых произведений русскоязычной литературы XIX–XXI вв., осуществленного при помощи приложения, а также продемонстрируем возможность установления специфики литературы определенной эпохи на основе ритмических характеристик.

Основная часть

В ходе исследования были проанализированы произведения русскоязычной литературы XIX–XXI вв. по десять произведений из каждого столетия общим объемом около 5000 страниц: XIX в. – Н. В. Гоголь «Вий», «Мертвые души»; И. А. Гончаров «Обломов»; Ф. М. Достоевский «Бедные люди», «Преступление и наказание», «Идиот»; В. А. Соллогуб «История двух калаш»; Л. Н. Толстой «Семейное счастье», «Анна Каренина»; И. С. Тургенев «Записки охотника»; XX в. – А. Грин «Алые паруса»; М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита»; М. Горький «Мать»; А. и Б. Стругацкие «Трудно быть богом», «Обитаемый остров»; Ю. Семенов «Максим Максимович Исаев»; В. Пикуль «Пером и шпагой»; В. Аксенов «Война и тюрьма»; В. Войнович «Москва 2042»; А. Проханов «Чеченский блюз»; XXI в. – Е. Г. Водолазкин «Похищение Европы»; В. Микушевич «Воскресение в Третьем Риме»; З. Прилепин «Санька»; А. Проханов «Надпись», «Господин Гексоген», «Крейсера соната»; А. Терехов «Немцы»; В. Аксенов «Вольтерьянцы и вольтерьянки»; Д. Быков «Орфография»; О. Славникова «Бессмертный». Анализ ритмических средств с точки зрения количе-

¹ Underwood T. Why Literary Periods Mattered: Historical Contrast and the Prestige of English Studies. – Palo Alto, CA: Stanford University Press, 2013. – 216 p.

² Cohen R., Rowlett J. L. On the Presuppositions of Literary Periods // New Literary History. – 2019. – Vol. 50. – № 1. – P. 113–127. – URL: <https://muse.jhu.edu/article/725655/pdf> (дата обращения: 03.06.2020).

³ Lagutina K., Lagutina N., Boychuk E., Paramonov I. The Influence of Different Stylometric Features on the Classification of Prose by Centuries // Proceedings of the 27th Conference of the Open Innovations Association FRUCT (Trento, Italy, 7–9 September 2020). – 2020. – № 27. – P. 108–115.

ственных и качественных проявлений позволил установить их частотность и соотношение по векам.

Диакোпа. Наиболее высокая частотность употребления данного ритмического средства отмечена в произведениях XXI в. и составляет 7008 случаев, в произведениях XIX в. оно использовалось несколько реже – 6425 раз, в произведениях XX в. наименьшая частотность – 4633 раза: *И точно, я была счастлива; но меня мучило то, что счастье это не стоило мне никакого **труда**, никакой **жертвы**, когда силы **труда** и **жертвы** томили меня* (Л. Н. Толстой «Семейное счастье»). Предположительно это можно объяснить тесной взаимосвязью развития литературы с социальными и техническими изменениями в современном обществе. Наименьшее использование данного средства в произведениях XX в. может быть связано с вереницей трагических событий этого периода.

Эпаналепсис. Самая высокая частотность употребления данного ритмического средства отмечена в произведениях XIX в. и составляет 142 случая. В произведениях XX в. эпаналепсис использовался в два раза реже – 75 раз, в произведениях XXI в. – в три раза реже по сравнению с произведениями XIX в. – 58 раз: *Я пойду в бурсу, ей-богу, пойду!* (Н. В. Гоголь «Вий»); *Конец света, а я играю в мяч – помнится, именно на этом перекрестке я говорил об этом с Корнейчуком... Как я мыслю себе **конец света**?* (Д. Быков «Орфография»). В качестве вероятной причины сокращения частотности данного ритмического средства к XXI в. можно рассматривать изменение ритма и скорости жизни общества, ускорение жизненных процессов, которые отражены в литературе. Уже нет времени на глубокие размышления, жизнь мчится вперед, не оставляя места повторам.

Эпифора. Самая высокая частотность употребления данного ритмического средства отмечена в произведениях XIX в. и составляет 875 случаев. В произведениях XX и XXI вв. эпифора использовалась в два раза реже – 481 и 433 случая соответственно: *Вчера я был **счастлив**, чрезмерно счастлив, донельзя **счастлив**!* (Ф. М. Достоевский «Бедные люди»); *Без родины и **племени**. А это очень плохо, Николай Макарыч, Воронцову быть на земле без роду и **племени*** (Ю. Семенов «Максим Максимович Исаев»). Присутствие данного средства в тексте, равно как анафоры и симплоки, свидетельствует о поэтичности произведения, его образности. Снижение их частотности в прозе позволяет предположить, что эта поэтичность исчезает из литературного языка. Данная проблема поднималась не раз, многие философы, филологи бьют тревогу по поводу снижения общего уровня речевой культуры, ослабления цензуры и прочих факторов, которые позволили бы сохранить богатство языка.

Анафора. Наиболее высокая частотность употребления данного ритмического средства отмечена в произведениях XIX в. и составляет 1127 случаев. В произведениях XXI в. анафора использовалась несколько реже – 1050 раз, в произведениях XX в. – в два раза реже по сравнению с XIX и XXI вв. – 680 раз: ***Разговор** наш был недолго, ему негде было сесть подле меня, и он, верно, почувствовал, что мне очень неловко с ним. **Разговор** был о прошлом бале, о том, где я живу лето, и т. д.* (Л. Н. Толстой «Семейное счастье»); ***Революция** – верх логического развития! **Революция** обязана сделать жизнь лучше той, которую она отвергла!* (Ю. Семенов «Максим Максимович Исаев»); ***Путь** караванов в Россию лежал, как и в первую ми-*

ровую войну, через арктические воды. *Путь опасный, но самый короткий и уже проверенный* (В. Пикуль «Реквием каравану»).

Симплока. Самая высокая частотность употребления данного ритмического средства отмечена в произведениях XIX в. и составляет 21 случай, в произведениях XX и XXI вв. симплока использовалась в два раза реже – 12 и 16 раз соответственно: *Так вы таки поняли, чего мне хотелось, чего сердчишку моему хотелось!* (Ф. М. Достоевский «Бедные люди»); *Вы живете не на внутренней поверхности шара. Вы живете на внешней поверхности шара* (А. и Б. Стругацкие «Обитаемый остров»).

Эпизевксис. Наибольшая частотность употребления данного ритмического средства отмечена в произведениях XIX в. и составляет 1596 случаев, в произведениях XX и XXI вв. – 569 и 694 случая соответственно: *Нет, нет и нет!* (Ф. М. Достоевский «Бедные люди»); *Где доктор? Где доктор, я вас спрашиваю!* (А. и Б. Стругацкие «Трудно быть богом»). Эпизевксис является показателем определенной эмоциональности текста, о чем свидетельствуют повторы одинаковых лексем (часто более двух–трех) в начале предложения. В большей степени данное средство характерно для реплик персонажей в составе восклицательных или вопросительных предложений. Часто это риторические вопросы, ответы на которые мы можем получить лишь эмоционально прочувствовав настроения героев.

Анадиפלосис. Наиболее высокая частотность употребления данного ритмического средства отмечена в произведениях XIX в. и составляет 227 случаев, в произведениях XXI в. оно использовалось практически с такой же частотой – 208 случаев, в произведениях XX в. – почти в два раза реже по сравнению с XIX и XXI вв. – 138 раз: *Мертвея, Лонгрен наклонился и увидел восьмимесячное существо, сосредоточенно взиравшее на его длинную бороду, затем сел, потупился и стал крутить ус. Ус был мокрый, как от дождя* (А. Грин «Алые паруса»); *Умные нам не надобны. Надобны верные* (А. и Б. Стругацкие «Трудно быть богом»).

Полисиндетон. Самая высокая частотность употребления данного ритмического средства отмечена в произведениях XIX в. и составляет 15739 случаев, в произведениях XXI в. оно использовалось в два раза реже – 8775 раз, в произведениях XX в. – в три раза реже по сравнению с XIX в. – 5803 раза: *Гриша, я вынужден написать тебе это письмо, потому что от личных встреч ты постоянно уклоняешься, а это мне горько – и по-человечески и по-дружески (прости меня, но я по-прежнему считаю тебя другом, а не случайным сожителем по комнате)* (Ю. Семенов «Максим Максимович Исаев»); *Смотрите, какая она скверная – и нос нехороший, и руки нечистые...* (Н. В. Гоголь «Вий»). Данное средство является наиболее частотным в связи с тем, что употребляется чаще для связи однородных членов, благодаря чему подчеркивается роль каждого из них, создается единство перечисления, усиливается выразительность речи.

В таблице представлена сводная информация по количественному употреблению перечисленных средств в текстах XIX–XXI вв.

Частотность ритмических средств в литературе XIX–XXI вв.

	Произведение / Средство	Диа- копа	Эпа- на- леп- сис	Эпи- фо- ра	Ана- фо- ра	Сим- пло- ка	Эпи- зев- ксис	Ана- дип- ло- зис	По- ли- син- де- тон
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Литература XIX в.									
1	Н. В. Гоголь «Вий»	29	2	10	10	0	11	0	132
2	Н. В. Гоголь «Мертвые души»	967	27	93	68	0	132	17	1126
3	И. А. Гончаров «Обломов»	658	19	82	126	1	221	20	2012
4	Ф. М. Достоевский «Бедные люди»	521	9	26	71	0	60	0	627
5	Ф. М. Достоевский «Преступление и наказание»	112	39	210	186	6	291	40	2015
6	Ф. М. Достоевский «Идиот»	1254	5	178	210	2	321	38	3487
7	В. А. Соллогуб «История двух калош»	123	1	11	21	1	16	5	108
8	Л. Н. Толстой «Семейное счастье»	289	1	13	43	0	13	6	596
9	Л. Н. Толстой «Анна Каренина»	1896	21	176	312	8	310	87	4524
10	И. С. Тургенев «Записки охотника»	576	18	76	81	3	221	20	1112
	Всего	6425	142	875	1127	21	1596	227	1573 9
Литература XX в.									
11	А. Грин «Алые паруса»	85	1	3	15	0	11	1	142
12	М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита»	583	13	106	83	3	182	16	1179
13	М. Горький «Мать»	386	15	34	28	0	37	12	589
14	А. и Б. Стругацкие «Трудно быть богом»	242	2	41	83	0	43	19	245
15	А. и Б. Стругацкие «Обитаемый остров»	1087	11	75	126	1	63	28	895
16	Ю. Семенов «Максим Максимович Исаев»	514	3	54	54	0	36	12	528
17	В. Пикуль «Пером и шпагой»	487	7	28	57	2	66	8	398
18	В. Аксенов «Война и тюрьма»	643	12	57	68	3	69	26	669
19	В. Войнович «Москва 2042»	442	9	69	109	1	54	14	766
20	А. Проханов «Чеченский блюз»	164	2	14	57	2	8	2	392
	Всего	4633	75	481	680	12	569	138	5803

Продолжение таблицы

Литература XXI в.									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
21	Е. Г. Водолазкин «Похищение Европы»	459	1	38	109	1	13	32	569
22	В. Микушевич «Воскресение в Третьем Риме»	2214	15	56	111	0	87	21	1569
23	З. Прилепин «Санья»	234	5	44	56	1	26	15	436
24	А. Проханов «Надпись»	512	4	56	198	1	32	17	1112
25	А. Проханов «Господин Гексоген»	444	4	25	156	1	0	11	0
26	А. Проханов «Крейсерова соната»	423	0	11	123	6	39	7	978
27	А. Терехов «Немцы»	1132	9	112	97	5	143	46	1542
28	В. Аксенов «Вольтерьянцы и вольтерьянки»	523	5	24	67	0	65	12	892
29	Д. Быков «Орфография»	853	15	67	126	1	289	46	1677
30	О. Славникова «Бессмертный»	214	0	0	7	0	0	1	0
	Всего	7008	58	433	1050	16	694	208	8775

Данные результаты также отражены в так называемых тепловых картах, в которых цветом (оттенками серого) отображена частотность использования средств в произведениях по векам. Это статистическое исследование позволяет визуализировать представленную выше информацию. На первой карте представлены наиболее часто встречающиеся ритмические средства – это диакопы и полисиндетон (см. рис. 1), а на второй – остальные ритмические средства (см. рис. 2). Такое разделение средств обусловлено слишком высокой частотностью диакопы и полисиндетона, не позволяющей адекватно отображать цветом другие средства.

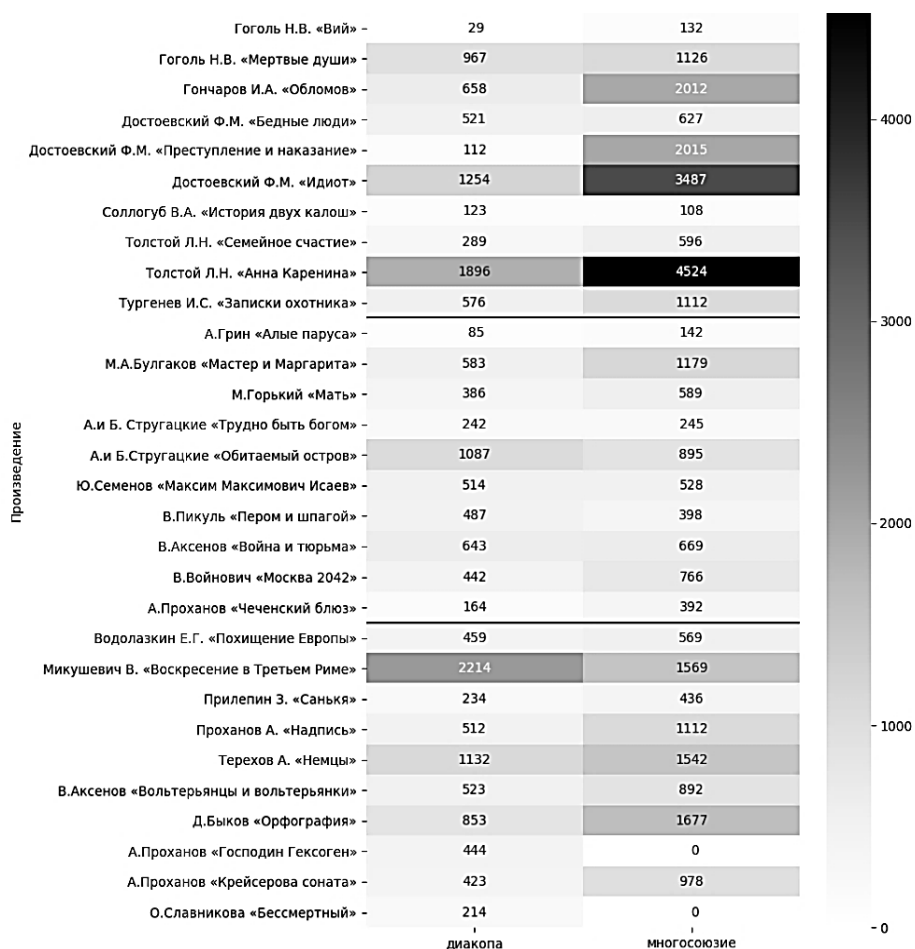

Рис. 1. Результаты исследования полисиндетона и диакопы

Данная карта свидетельствует о максимальном сходстве по частоте употребления полисиндетона и диакопы произведений Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. Вероятно, это можно обосновать тем, что оба автора (Ф. М. Достоевский родился в 1821 г., а Л. Н. Толстой – в 1828 г.) сформировали свой авторский стиль в одно время под влиянием общественных и литературных направлений; оба романа («Идиот» Ф. М. Достоевского и «Анна Каренина» Л. Н. Толстого) наполнены философскими вопросами бытия, морально-этическими вопросами, трагизмом общества. Согласно показателям тепловой карты максимально приближен к названным произведениям по частоте использования указанных ритмических средств роман В. Микушевича «Воскресение в Третьем Риме». Сюжет и события данного романа наполнены трагизмом, противоречивостью современного общества начала XXI в., философией бытия, добра и зла.

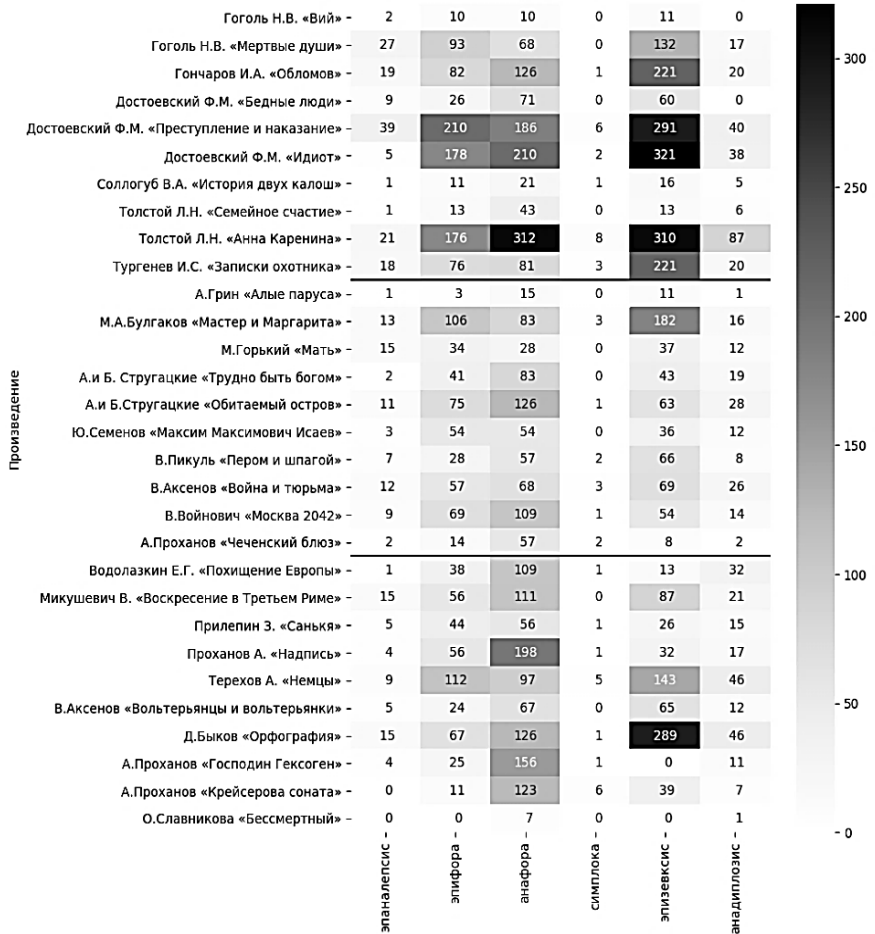

Рис. 2. Результаты исследования менее частотных ритмических средств

Данная тепловая карта свидетельствует о том, что эпизевксис, анафора и эпифора сходны по частоте использования. Эпиналепсис, симплока и анадиплозис демонстрируют наименьшую частотность употребления. Максимальное сходство по частоте использования эпизевксиса наблюдается в романах XIX и XXI в. В романах XIX в. максимальная степень сходства присутствует в произведениях Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого; в романах И. А. Гончарова «Обломов» и И. С. Тургенева «Записки охотника» также наблюдается достаточно высокая частотность использования данного ритмического средства, что можно объяснить единым периодом написания произведений и общей характерной особенностью русского романа XIX в.: проблемой героя, ищущего пути обновления жизни, героя, который выражал движение времени, разрушение патриархальных идеалов прежнего крестьянского общинного мира. Максимальная схожесть по частоте использования эпизевксиса характерна для произведения XXI в. Д. Быкова «Орфография», повествующего о злоключениях русской интеллигенции в XX столетии, противостоянии прошлого и настоящего. Следующим частотным ритмическим средством является анафора.

Максимальная схожесть по числу ее употреблений отмечается в романах XIX в. Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, что обусловлено теми же причинами, которые указывались ранее. Частотность использования анафоры имеет сходство с романами XXI в. А. Проханова «Надпись», «Господин Гексоген», затрагивающими вопросы философии жизни, противоборства добра и зла, старого и нового общественного строя. Третье ритмическое средство по частоте использования – эпифора, но сходство наблюдается в произведениях одного периода – XIX в. Следует отметить, что все три средства являются наиболее частотными, однако чаще встречаются в романах XIX в., реже – в романах XXI в.; наименьшее их использование характерно для романов XX в., что можно обосновать общественно-политическими событиями данного периода.

Выводы

Проведенное исследование позволяет увидеть заметные отличия ритмических характеристик в прозаических произведениях авторов трех веков. Очевидно, что XX в. отличается от двух других эпох. В XXI в. много пограничных работ с точки зрения временных границ, т. е. начало творчества многих авторов все же приходится на конец 90-х гг. XX в.; это лишь подтверждает теорию деления на периоды, согласно которой 90-е годы принято относить к XXI в. Ритмическая «бедность» XX в. обусловлена сложностью данного литературного периода в целом, связанного прежде всего с историческими событиями, с политическими, экономическими, моральными трудностями эпохи. Безусловно, рассматриваемого количества произведений недостаточно для того, чтобы делать конкретные выводы, однако наметившиеся тенденции указывают на то, что роль ритмических средств в этом разграничении не последняя, они способны, пусть даже в таком небольшом своем составе (работа над расширением количества средств ведется в настоящее время), отразить специфику прозы целой эпохи.

Литература

- Бойчук Е. И. Анализ ритма прозы (на материале французского языка). – Ярославль: Канцлер, 2019. – 232 с.
- Голубков М. М. Научные принципы периодизации русской литературы XX века // Мир русскоговорящих стран. – 2019. – № 1 (1). – С. 79–85.
- Дюсупова И. Н. Мода начала 2000-х в контексте художественной культуры позднего постмодерна // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2012. – № 7 (143). – С. 248–254.
- Полякова Л. В. История литературы или литературный процесс? Контур проблемы // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 1997. – № 1 (5). – С. 70–77.
- Рыбальченко Т. Л. История литературы XX века как история литературных течений // Вестник Томского государственного университета. – 1999. – № 268. – С. 68–73.
- Сухих С. И. К проблеме периодизации истории литературы XX в. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2013. – № 6–1. – С. 369–375.
- Cohen R., Rowlett J. L. On the Presuppositions of Literary Periods // New Literary History. – 2019. – Vol. 50. – № 1. – P. 113–127. – URL: <https://muse.jhu.edu/article/725655/pdf> (дата обращения: 03.06.2020).

- Lagutina K., Lagutina N., Boychuk E., Paramonov I. The Influence of Different Stylometric Features on the Classification of Prose by Centuries // *Proceedings of the 27th Conference of the Open Innovations Association FRUCT (Trento, Italy, 7–9 September 2020)*. – 2020. – № 27. – P. 108–115.
- Underwood T. *Why Literary Periods Mattered: Historical Contrast and the Prestige of English Studies*. – Palo Alto, CA: Stanford University Press, 2013. – 216 p.

References

- Boichuk E. I. *Analiz ritma prozy (na materiale frantsuzskogo iazyka)* [Prose rhythm analysis (by the material of the French language)]. Iaroslavl': Kantsler, 2019. 232 p.
- Golubkov M. M. Nauchnye printsipy periodizatsii russkoi literatury XX veka [Scientific principles of periodization of the 20th century Russian literature]. *Mir russkogovoriashchikh stran* [World of Russian-speaking countries], 2019, no. 1 (1), pp. 79–85.
- Diusupova I. N. Moda nachala 2000-kh v kontekste khudozhestvennoi kul'tury pozdnego post-moderna [Fashion of the early 2000s in the late postmodernity cultural environment]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Orenburg State University], 2012, no. 7 (143), pp. 248–254.
- Poliakova L. V. Istoriia literatury ili literaturnyi protsess? Kontur problemy [A history of literature or literary process? An outline of the problem]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Review. Series: Humanities], 1997, no. 1 (5), pp. 70–77.
- Rybal'chenko T. L. Istoriia literatury XX veka kak istoriia literaturnykh techenii [The history of literature in the 20th century as the history of literary trends]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 1999, no. 268, pp. 68–73.
- Sukhikh S. I. K probleme periodizatsii istorii literatury XX v. [On the problem of periodization of the 20th century literary history]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2013, no. 6–1, pp. 369–375.
- Cohen R., Rowlett J. L. On the Presuppositions of Literary Periods. *New Literary History*, 2019, vol. 50, no. 1, pp. 113–127. Available at: <https://muse.jhu.edu/article/725655/pdf> (accessed: 03.06.2020).
- Lagutina K., Lagutina N., Boychuk E., Paramonov I. The Influence of Different Stylometric Features on the Classification of Prose by Centuries. *Proceedings of the 27th Conference of the Open Innovations Association FRUCT (Trento, Italy, 7–9 September 2020)*, 2020, no. 27, pp. 108–115.
- Underwood T. *Why Literary Periods Mattered: Historical Contrast and the Prestige of English Studies*. Palo Alto, CA: Stanford University Press, 2013. 216 p.

Для цитирования: Бойчук Е. И., Мишенькина Е. В. Автоматизированный анализ ритмических характеристик русскоязычного прозаического художественного текста как метод установления принадлежности текста определенной литературной эпохе // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2020. – № 6 (99). – С. 73–85. DOI: 10.23859/1994-0637-2020-6-99-6

For citation: Boychuk E. I., Mishenkina E. V. Automated analysis of rhythmic characteristics of Russian-literary prosaic text as a method for determining the text affiliation to a literary period. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2020, no. 6 (99), pp. 73–85. DOI: 10.23859/1994-0637-2020-6-99-6